

Всего на должность управляющего пришли пятнадцать человек. Ань Чанцин по очереди просмотрел их жизнеописания, но подходящими оказались лишь пятеро. Из-за того что в мастерской «Тяньи» уже случился однажды промах, требования Ань Чанцина к управляющему стали ещё строже. Поэтому в итоге остались только эти пятеро: Чжоу Хэлань должен был провести для них испытание и выбрать самого подходящего кандидата.

Отобранная пятёрка поначалу искренне радовалась, однако с началом испытания, ощущая на себе ледяные взгляды восседающего на высоком месте князя, претенденты один за другим покрывались холодным потом, и даже кисти в их руках слегка дрожали.

Кое-как завершив испытание, все пятеро разом облегчённо вздохнули и обменялись взглядами, полными беспомощности и печали.

— В прежние дни князя слухом не было слышно, с чего же сегодня мы так попали? Перепугались настолько, что и словом не осмелились обмолвиться с ванфэй, вот уж невезуха.

Восседающий на возвышении Бэйчжань-ван и не подозревал, что вызвал у них такой страх. В дела лавки он не вмешивался и сейчас не мог вставить ни слова, а потому просто сидел подле них, слушая, как Ань Чанцин и Чжоу Хэлань спорят о том, кто из кандидатов подходит лучше.

У каждого из них был свой фаворит. В важных делах Чжоу Хэлань никогда не боялся высказываться прямо, поэтому даже перед Ань Чанцином упорно отстаивал свою правоту, изо всех сил пытаясь его убедить. Ань Чанцин также твёрдо стоял на своём. Наблюдая за их оживлённым спором, казалось, будто молча сидевший рядом Бэйчжань-ван был лишь лишним украшением.

Сяо Чжигэ несколько раз бросал на Чжоу Хэланя ледяные взгляды и незаметно поджимал губы.

В конце концов спор закончился компромиссом: решили нанять обоих на должности помощников управляющего, чтобы они вместе ведали мастерской «Тяньи». В дальнейшем, оценив их успехи, того, кто проявит себя лучше, повысят до управляющего.

На обратном пути Ань Чанцин был весьма доволен. Сегодняшний спор с Чжоу Хэланем натолкнул его на новую мысль: можно не только заставить двух управляющих присматривать друг за другом, но и переводить обученных управляющих в другие лавки. Если менять и повышать их каждые пару лет, это будет куда лучше, чем позволять кому-то годами единолично удерживать власть и взращивать непомерные амбиции.

Сяо Чжигэ, видя, что тот даже в экипаже всё ещё размышляет о делах лавки, сдвинул тёмные брови в глубокой складке:

— Впереди есть лавка, там торгуют кедровыми сладостями.

— Хм? — Ань Чанцин прервал размышления и недоумённо поднял на него взгляд.

— Говорят, вкусные. Я куплю тебе.

— От кого ты слышал? — любопытствовал Ань Чанцин. Ему уже давно казалось это странным: Сяо Чжигэ вовсе не был гурманом, но каждый раз ухитрялся покупать для него самые разные лакомства.

— От подчинённых.

Бэйчжань-ван был скуп на слова. Увидев, что ясные глаза Ань Чанцина наконец обращены только на него, он заметно разгладил складку меж бровей:

— Будешь?

— Буду, — улыбнулся Ань Чанцин. — Князь поест со мной?

Сяо Чжигэ восседал прямо, положив руки на колени, сохраняя свой величественный и внушительный вид, однако ответил на слова ванфэй без малейшего колебания:

— Угу.

.....

Чтобы купить кедровых сладостей, кучер свернул на другой путь. Когда экипаж проезжал через узкий переулок, до них донеслись приглушённые голоса спорящих:

— Ребёнок в животе Цзяоин от тебя?

— Мой, и что с того?

— Как ты смел?! Она — моя женщина!

Спорившие не заметили подъезжавшую по соседней улице повозку и продолжали сдержанно ругаться, однако Ань Чанцин чутко уловил имя «Цзяоин». Он поднялся, приподнял шторку, подал знак кучеру остановиться, а затем мигнул Ань Фу, отправляя того разузнать, что происходит на другом конце.

Двое продолжали переругиваться. Мужчина средних лет упёрся и не желал слушать разумных доводов:

— Если бы ты не спрятал её в монастыре, я давно уже ввёл бы её в дом.

— А раз уж теперь она носит моё семя, выберем благоприятный день да приведём в дом. Глядишь, ещё и богатыря мне родит.

Мужчина покороче тяжело дышал от злости и лишь спустя некоторое время выцедил:

— Шестой дядя, не переходи границы!

Тот, кого называли Шестым дядей, усмехнулся:

— Со мной женщину делить сопляк ещё не дорос. Ты ведь не знаешь? Я забавлялся с этой распутницей ещё до того, как её муженёк дух испустил! Это только ты с ней как с сокровищем носишься...

После этой перепалки оба разошлись ни с чем. Молодой мужчина, судя по всему, разгневался до предела: он со злостью пнул стену и только потом удалился.

Ань Фу, наблюдавший за всем от начала и до конца, осторожно вернулся и с сомнительной миной произнёс:

— Это четвёртый молодой господин У из поместья маркиза Чжунъюна и шестой господин...

У маркиза Чжунъюна было пятеро братьев, но родным — лишь один, шестой по старшинству, которого в свете звали «шестым господином».

А четвёртым молодым господином У был побочный сын маркиза Чжунъюна — У Цзюньшу.

Ань Чанцин вспомнил о Цзяоин, о которой они спорили. Очевидно, У Цзюньшу уже проведаль о её беременности, вот только ребёнок в её чреве был не от него, а от его родного дяди.

Дядя и племянник забились в глухой угол лишь ради того, чтобы делить вдову.

Вспомнив о том, каким благочестивым и праведным обычно притворялся У Цзюньшу, Ань Чанцин вспыхнул гневом. И ради такой вот вдовы, блудившей с его же дядей, этот изверг погубил его младшую сестру вместе с неродившимся дитём, а после ещё и возвёл эту дрянью в статус законной супруги!

Настоящий абсурд, посмешище для всего света! Дядя и племянник соревнуются из-за одной женщины — и это в поместье маркиза Чжунъюна, якобы отличающемся строгими нравами?

Пламя ярости пылало в его груди. Ань Чанцин сжал зубы и чётко выговорил каждое слово:

— Найди возможность и предай это огласке.

Он посмотрит, хватит ли у У Цзюньшу бесстыдства прийти свататься к его сестре, когда эта грязь выплывет наружу!

То ли сама небесная кара не вынесла гнусных дел поместья маркиза Чжунъюна, но не успел Ань Чанцин сыскать подходящий случай, чтобы разоблачить грех, как прискакал Те Ху и доложил: монастырь за городом кто-то поджёт.

Причём пожар устроила та самая матушка Цянь.

— А Цзяоин?

— Цзяоин в тот момент как раз находилась снаружи, так что спаслась.

Это было как нельзя кстати. Ань Чанцин на мгновение задумался и распорядился:

— Отправь людей с вестью в поместье маркиза Чжунъюна, а заодно уведоми чиновников. Обязательно приведите туда стражу из управы.

Те Ху принял приказ и удалился. Ань Чанцин велел Ань Фу приготовить экипаж и лично отправился к женскому монастырю за городом.

Когда Ань Чанцин прибыл, пламя в обители только-только утихло. Прежде опрятный монастырь превратился в обугленные руины, от которых остались лишь обломки стен. Среди развалин бегала матушка Цянь, размахивая руками и оря во всё горло:

— Обольстительница сдохла! Обольстительница сдохла! Сын мой, матушка отомстила за тебя!..

Сгрудившиеся вокруг деревенские зеваки с опаской наблюдали за ней, и никто не решался подойти.

Кучер припарковал повозку в неприметном месте. Ань Чанцин выглянул из-за шторы и увидел Цзяоин: та ёжилась в стороне, прижимая руки к животу, и, судя по всему, больше всего на свете боялась, как бы матушка Цянь её не заметила.

Ань Чанцин холодно наблюдал за ней, про себя присчитывая, когда же придут двое других.

Едва он подумал об этом, как на бешеной скорости примчался экипаж. Не успел он толком остановиться, как из него выскочил мужчина лет тридцати-сорока и с отчаянием закричал: «Цзяоин!». Он был до того тревожен, что даже не обращал внимания на перешёптывания и тыканье пальцами деревенских.

Сжавшаяся Цзяоин, едва завидев его, тут же зашлась слезами, задрожала и поднялась, пролепетав:

— Шестой господин...

У Лю подскочил к ней, бережно подхватил её под руки и принялся оглядывать с ног до головы:

— Как ребёнок? С дитём всё в порядке?

Цзяоин прикрыла живот и, лепеча от страха и нежности, произнесла:

— Всё хорошо, я сберегла нашего ребёночка...

Едва прозвучали её слова, как нерешительный голос окликнул:

— ...Цзяоин?

Цзяоин замлела, инстинктивно отпихнув У Лю. Она повернулась на зов, и её лицо сменило несколько оттенков, прежде чем застыть в искажённой гримасе:

— Ч-четвёртый лан, как ты здесь оказался...

Авторское примечание:

#Сегодня трусливый Соңсон — просто лишний элемент декора.

Соңсон: Так и не купил кедровых сладостей (поджал губу).

Получив весть о том, что в монастыре за городом пожар, У Цзюньшу во весь опор прискакал на коне. Кто бы мог подумать, что он застанет Шестого дядю, обнимающего Цзяоин! Его взгляд упал на её слегка округлившийся живот. Лицо У Цзюньшу потемнело, однако он всё равно протянул к ней руку и ласково произнёс:

— Цзяоин, иди ко мне.

Цзяоин засуетилась в смятении и инстинктивно сделала шаг вперёд. Однако её другую руку перехватил У Лю. У Лю усмехнулся:

— Куда это ты собралась? В твоём чреве моё дитя, ты никуда не пойдёшь!

У Лю было уже под сорок, но из детей у него имелась лишь одна-единственная дочь. Не то чтобы он не желал продолжить род, однако лекари твердили, что в молодости он слишком подорвал здоровье, и женщина от него забеременеть вряд ли сможет. Он уже и не надеялся, но

кто же знал, что Цзяоин зачнёт именно от него!

<http://bllate.org/book/18381/1767636>